

УДК 947.083 (470.621)
ББК 63.3 (2) 524
К-19

Кандор Руслан Султанович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований, т.: 8(906)4385989.

**СТАНОВЛЕНИЕ ТРАДИЦИЙ БОЕВОГО СОДРУЖЕСТВА ОФИЦЕРОВ И
ВСАДНИКОВ ЧЕРКЕССКОГО КОННОГО ПОЛКА (1914-1916 гг.)**
(рецензирована)

В настоящей статье рассматривается формирование традиций внутренней жизни Черкесского конного полка, как составной части боевого содружества народов Северного Кавказа и России, основанной на принципах благородства, взаимоуважения и высокой дисциплины.

Ключевые слова: Великая война, черкесский полк, традиции, гвардия, содружество, дисциплина, взаимоуважение, благородство.

Kandor Ruslan Sultanovich, Candidate of History, senior researcher of the Department of History of the Adygh republican institute of humanitarian research, tel.: 8(906)4385989.

**FORMATION OF THE TRADITIONS OF THE FIGHTING COMMONWEALTH OF
OFFICERS AND CIRCASSIAN HORSE REGIMENT RIDERS (1914-1916)**
(reviewed)

In the article the formation of traditions of internal life of the Circassian horse regiment as a component of the fighting commonwealth of the people of the North Caucasus and Russia founded on the principles of nobility, mutual respect and high discipline has been considered.

Keywords: Great war, the Circassian regiment, traditions, guard, commonwealth, discipline, mutual respect, nobility.

Исключительное значение для патриотического воспитания молодого поколения и осознания народами России общей продолжительной истории, имеют работы исследователей Е.К. Габелия, О.Л. Опрышко, А.Д. Вершигоры, Ш.М. Батчаева, А.В. Войтова, В.А. Дзыбы, посвященные актуальной теме боевого содружества народов Кавказа и России, описанию ратных подвигов всадников с Кавказа в войнах, которые вела Российская империя в XIX в. и начале XX в. [1]. В контексте исследования боевого содружества народов России нам интересно рассмотреть еще одну грань этого явления – формирование традиций внутри полковой жизни, основанных на принципах благородства, взаимоуважения, высокой дисциплины. Именно эти традиции взаимоотношений между офицерами, офицерами и всадниками создавали ту непоколебимую спайку и боевое братство, которые сокрушали любого врага на поле боя.

15 января 1916 г. в Крыму скончался генерал-адъютант граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков, вложивший лучшую часть своей души и жизненной энергии в созданную им в 1914 г. Кавказскую Туземную конную дивизию. Граф И.И. Воронцов-Дашков, как представитель одного из известнейших русских родов, являлся человеком исключительной порядочности и доблести, был хранителем благородных взглядов на такой феномен, как полковые традиции русской армии. При формировании полковых традиций, важная роль отводилась графом Воронцовым-Дашковым старшим командирам, особенно в воспитании воинской семьи и поддержании авторитета звания «командир». Показательным в этом отношении было содержание резолюции, сделанной графом на отчете по поводу расследования инцидента, произошедшего в одном из полков Кавказского военного округа: «Командир, не сумевший внести в войсковую семью согласие и дружбу одной части может испортить и другую войсковую часть славной Кавказской армии» [2, с. 424].

Кавказская Туземная конная дивизия была для графа Воронцова-Дашкова частью родной войсковой семьи, которую он своей заботливой рукой создавал, опекал, вложив всю свою душу в это замечательное войсковое соединение. В офицерский корпус дивизии главнокомандующий сам отбирал офицеров, которых долгие годы возвращал рядом с собой и воспитывал в контексте своих взглядов на полковые традиции русской армии.

Одним из достойных хранителей духовного наследия генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова являлся князь Чавчавадзе, командир Черкесского конного полка, много сил отдавший сохранению лучших традиций русской кавалерии.

Черкесский конный полк с 1914 по 1916 гг. постепенно приобрел боевой вид, полный блеска и удалства. Благодаря стараниям князя Чавчавадзе в Черкесском конном полку рождается особая аура высоких, чистых отношений, корнями уходящих в традиции Русской Гвардии, основанных на дисциплине, благородстве, высокой нравственности и уважении друг к другу офицеров и всадников. Во всех действиях командования было видно чуткое отношение к религиозным чувствам всадников полка. При этом сформировались особые ритуалы проведения полковых мусульманских молебнов. Так, уже в октябре 1914 г. по прибытии в г. Проскуров, в Черкесском конном полку прошло праздничное моление в день мусульманского праздника Курбан Байрам, после которого в Штаб Кавказской Туземной конной дивизии была отправлена телеграмма следующего содержания: «Черкесский конный полк, вознеся молитву Богу о здравии Его Императорского Величества и всей Августейшей семьи в день великого праздника Курбан Байрам повергает стопам своего Государя Верноподданнейшие чувства и Великой радости возможности принять участие в Отечественной войне, где исполнением своего долга до конца Милостью Великого Бога может внести страницу в доблестную историю победоносной Великой Русской Армии [3, л. 335].

Интересен и тот факт, что офицеры, служившие в Черкесском конном полку, например, не ели свинину, полностью исключив её из своего меню. Потомок, некогда могущественного флорентийского рода, маркиз Георгий Дели Альбицци, в начале 1916 г., так разъяснял молодому офицеру причину этого феномена: «Разве Вы не понимаете, что солдаты уважают офицера тогда, когда он уважает то, что они почитают? Это своего рода порочный круг. Я ... ещё не Мохамметанин, но я, конечно прекращу есть свинину. И вы тоже» [4, р. 63].

Командующий Черкесским конным полком подполковник князь Чавчавадзе с начала формирования спланирует полк общей верой в своих офицеров, дисциплиной, взаимным уважением и твёрдой верой в успех. И одной из традиций Русской гвардии, принятой в полку, была традиция не назначать в Черкесский конный полк новых офицеров без согласования этого решения с общим собранием офицеров полка. Об этой замечательной полковой традиции, опять же рассказывает молодому прапорщику Курнакову, штабс-ротмистр Черкесского конного полка Маркиз Делли Альбицци: «Офицер не может поступить в полк без получения согласия офицерского клуба. Даже командир полка не может принудить их к этому, если они не хотят его. Что Вы должны делать в начале, так это переговорить со старшим офицером – Султан Крым Гиреем, который будет представлять Вашу кандидатуру на собрании. Если они решат, что Вы являетесь достойным, то они уведомят Вас, и затем Вы можете обращаться официально. Кавалерийский полк это не цветочная лавка, куда любой может войти» [4, р. 83]. К тому же, как оказалось, при общем голосовании офицеров полка не последнее значение имела точка зрения молодых офицеров и в особенности мнение «предводителя прапорщиков» абхазского князя Алексея Шервашидзе, характеризуя которого штабс-ротмистр Альбицци восклицает на французском: «C'est un chictype» («это классный парень»). Наверное, это был один из тех случаев, когда «юнкеры» своей не официальной, честной позицией доставляли определенные хлопоты и одновременно принуждали старших товарищей оставаться в рамках соблюдения правил свободного выбора и офицерской чести. И попасть в полк было не так просто, потому что достаточно большое количество офицеров подававших прошения о

зачислении в Черкесский конный полк, получали на них отказ. Одним из таких наглядных примеров, является переписка о переводе в Черкесский конный полк прапорщика Мурата Султан-Гирея, младшего офицера 3 Запорожского полка Кубанского казачьего войска.

20 октября 1915 г. прапорщик Мурат Султан-Гирей обратился к командиру Черкесского конного полка с прошением о переводе его в полк, как он писал: «... для совместной службы с братьями и единоверцами». Наличие в полку влиятельного и авторитетного родственника подполковника Крым Султан-Гирея, как оказалось, совсем не повлияло на выбор офицеров полка. И 14 ноября 1915 г. общее собрание офицеров Черкесского конного полка, выслушав председателя собрания штабс-ротмистра Лихачева по вопросу о приеме в полк прапорщика Мурата Султан-Гирея, постановило, после тайного голосования (четырнадцать голосов против пяти), в приеме прапорщику Мурату Султан-Гирею отказать. И сразу же после принятия этого постановления, князь Чавчавадзе уведомил командира 3. Запорожского полка о том, что общее собрание офицеров вверенного ему полка не дало своего согласия на перевод прапорщика Мурата Султан-Гирея [5, л. 53-55].

Князь Чавчавадзе всегда внимательно и строго следил за морально-нравственным состоянием офицеров и всадников своего полка. Стараясь оградить от влияния на личный состав распущенных персон, попадавших в полк, особенно со связями, он прикладывал максимум своих сил для удаления их из полка. Так, в августе 1916 г. князь Чавчавадзе, несмотря на всяческие препятствия со стороны влиятельных военных чиновников, добился удаления из полка корнета Собичевского «за нетрезвый образ жизни и другие проступки» [6, л. 109].

Еще одним свидетельством нетерпимости командира Черкесского конного полка к различным формам проявления невоспитанности и хамства, была его реакция на скандал, связанный с прапорщиком Муратовым. Этот инцидент обратил на себя внимание и потребовал мгновенной реакции, прежде всего тем резонансом, который он имел в штабе Кубанского казачьего войска. Прапорщик Муратов, являясь офицером, командированным в формируемую 3 Запасную сотню Черкесского конного полка, на одном из построений в грубой форме, публично высказался в адрес казаков урядников Кубанского казачьего войска. Вскоре об этом стало известно и атаману Кубанского казачьего войска, который, соответственно, «высказал свое неудовольствие» по этому поводу. На не корректные высказывания и действия прапорщика Муратова и ранее жаловались младшие офицеры полка, но тогда это списывалось на ревностное его отношение к службе, его высокую требовательность к соблюдению положений устава. Но, когда князь Чавчавадзе узнал об инциденте в 3 Запасной сотне, о непристойных словах прапорщика Муратова в адрес Кубанского казачьего войска, под шефским покровительством которого находился Черкесский конный полк, реакция командира полка была адекватна тяжести содеянного офицером. В ноябре 1916 г. в своем обращении к атаману Кубанского казачьего войска генералу от инфантерии Бабичу, князь Чавчавадзе писал: «Кадровые урядники сражались в рядах вверенного мне полка примером доблести и мужества. Черкесский конный полк осуждает прискорбный случай, офицер будет отчислен не только из полка, но и из списков, как совершенно не соответствующий. Примите уверение всех чинов полка в наилучших чувствах к вверенному Вам Кубанскому войску и от всего полка глубокое сожаление о случившемся» [6, л. 106].

Между тем, если командир Черкесского конного полка видел прекрасные боевые качества дисциплинарного послушника и, была какая-то надежда на его исправление, то почти всегда следовало справедливое наказание, чем пресекалось дальнейшее разрастание всяких негативных явлений. Наказание использовалось, как воспитательная мера – полковая семья не могла терять прекрасного воина, способного принести пользу на поле боя. Одним из экстраординарных решений князя Чавчавадзе можно признать его

приказание по окончанию рассмотрения жалобы, поданной на всадника 3 сотни Хасанбия Гумжачева.

В августе 1916 г. командир 3 сотни штабс-ротмистр Маркиз Альбици, предлагал удалить из сотни Хасанбия Гумжачева, как всадника не соответствующего своему назначению. «Вышеназванный всадник, как у моего предшественника, так у меня, – писал штабс-ротмистр Маркиз Альбици, – находится на самом плохом счету. По докладу вахмистра сотни и по сведениям господ офицеров, это один из главных картежников, а также буюнов в сотне» [7, л. 50]. Однако командир Черкесского конного полка оставляет всадника Хасанбия Гумжачева в составе 3 сотни, но подвергает его суровой экзекуции – телесному наказанию в виде двадцати пяти ударов розгами перед строем 3 сотни. Согласно мнению большинства исследователей такой вид наказания не использовался в Кавказской Туземной конной дивизии. И подобная, крайне суровая и жесткая для любого кавказца мера воспитания, могла быть применима командиром только тогда, когда личный состав полка безгранично верил в справедливость своих командиров и конечно же, как последняя мера воздействия, позволявшая встряхнуть сознание нарушителя дисциплины, остановить его перед той условной «чертой не возврата». Князь Чавчавадзе не оставил бы в составе полка всадника Хасанбия Гумжачева, если бы не был уверен в том, что он сможет заставить этого всадника честно выполнять свой воинский долг и соблюдать дисциплину. И действительно, всадник Хасанбий Гумжачев прекрасно проявил себя, отличившись во многих последующих сражениях Великой войны.

А как командир Черкесского конного полка наказывал за безнравственные поступки, дисциплинарные нарушения, видно из результатов разбирательства по жалобам на грабежи крестьян в Галиции. В феврале, апреле и июле 1916 г. князь Чавчавадзе удаляет из состава полка четырех всадников 1, 2 и 3 сотен, замешанных в неприятных инцидентах с местными жителями. После быстротечного дознания (правда, не покидает мысль о провоцировании некоторых из этих инцидентов самими крестьянами), подтверждался сам факт правонарушения и определялся круг виновных. Наказание, во всех трех случаях, было одним и тем же – по приказу командира полка производился арест всадников и разжалование их перед строем своих сотен [8, л. 36-40]. Об изгнании всадников из полка сообщалось атаманам отделов Кубанской области, с просьбой публичного объявления об этом событии в аулах, откуда добровольцы уходили на войну. Все конское снаряжение, личное оружие и лошади, принадлежавшие изгнанным всадникам, переходили в казенную собственность, и, кроме того, с их семей должны были быть взысканы 150 рублей денежного пособия, выданного при приеме на службу. И последнее, разжалованные и изгнанные из полка четыре всадника навсегда лишались права занимать какие-либо выборные должности [8, л. 157-157 об.]. А пострадавшим галицийским крестьянам из полковой казны были выплачены компенсационные суммы денежных средств, с получением от них расписок в отсутствии с их стороны каких-либо претензий к Черкесскому конному полку.

Для большинства офицеров Черкесского конного полка следование требованиям воинской нравственности являлось, несомненно, важнейшим их долгом. Один из представителей русской военной эмиграции А. Попов так писал о таком понятии, как «воинская дисциплина»: «Лишь дисциплина может объединить волю каждого в воле начальника, может понудить энергию и храбрость каждой отдельной личности слиться в общем интересе, может, наконец, вызвать все, что обеспечивает победу, порядок и доверие, без которой храбрость и самопожертвование бесполезны» [9, с. 157-158].

Братская теплота и уважение пронизывали все отношения между старшими и младшими офицерами, офицерами и всадниками Черкесского конного полка, без распущенного панибратства, в границах того почтения к воинской иерархии, которое было заложено в сознание каждого всадника, воспитанием и традициями благородных воинов Кавказа. Командир Черкесского конного полка лично беседовал с каждым вновь

поступающим на службу в полк молодым офицером. Прежде всего, князь Чавчавадзе знакомил новичка с главными нормами поведения и запретами, которые необходимо было соблюдать. «Ты полюбишь наших людей, – говорил он молодому офицеру, – но помни, офицер Кавказской дивизии просто не может совершать ни одну из следующих трех вещей – бить всадника, непристойно ругаться на всадника и ни в коем случае не показывать всаднику свой страх» [4, р.135]. Большой удачей считалось для молодого офицера назначение во 2 сотню полка, под опеку ее командира Келеч Султан-Гирея – природный черкес и великолепный офицер, уже с первых лет своей офицерской карьеры, выделялся командованием, как лучший воспитатель молодых кавалеристов. Он с отеческой заботой и вниманием следил за службой молодого офицера и помогал лучше понимать мотивацию подчиненных ему всадников. Здесь военные уставы дополнялись определенными традициями, которые каждый офицер должен был принять всем сердцем и понимать подобно уставу строевой службы. Офицеры обращались друг к другу на Вы и при этом могли называть друг друга, как по фамилии, так и по имени. Хотя были и редкие случаи, нарушающие эту традицию.

Между тем, в Черкесском конном полку у многих офицеров были уменьшительные имена или прозвища («nickname»). Например, штабс-ротмистра Делли Альбицци близкие друзья называли Гиги («Ghighi»), но только тогда, когда они были вне службы, и наедине. Сам же Маркиз Альбицци дал прозвище «Курначини», прапорщику Курнакову, которое закрепилось за ним до конца войны. Но, одно из самых уникальных прозвищ в полку – «Сэр Галахад»*, закрепилось за Крым Султан-Гиреем еще во времена его службы в Санкт-Петербурге, в Высшей кавалерийской школе. Тогда, лихой штабс-ротмистр 3 гусарского Елисаветградского полка был лучшим организатором музыкальных посиделок и рассказчиком, так называемых историй «для молодых девушек» («pourjeunesfilles») [4, р. 76]. За рыцарское отношение к женщине и кирпичного цвета брюки, друзья шутливо называли Крым Султан-Гирея – «Сэр Галахад в красных штанах»**.

Благородное воспитание и трепетное отношение к черкесским народным традициям демонстрировал подполковник Крым Султан-Гирей, и находясь на фронте в составе Черкесского конного полка. В связи с этим, показателен один эпизод из полковой жизни, невольным свидетелем которого стал прапорщик Курнаков. В один из дней, когда полк находился на отдыхе, прапорщик Курнаков зашел на квартиру, которую занимал подполковник Крым Султан-Гирей, и застал там сидевших вокруг стола всадников полка, которых хозяин квартиры пригласил к себе на чашечку чая. Это были старейшие всадники-черкесы, и при появлении молодого офицера, они медленно, церемониально встали. Видя это, подполковник Крым Султан-Гирей шепотом попросил прапорщика предложить им сесть, и на удивленный возглас Курнакова о том, что он не может это сделать при старшем по званию офицере, Крым Султан-Гирей улыбнувшись, заметил: «Они здесь мои гости. Они встали, приветствуя Вас, потому, что Вы офицер». Однако черкесский обычай предписывал, чтобы молодой человек стоял в присутствии старейшин. «Военная дисциплина требовала от них стоять передо мной, – отмечал позднее С. Курнаков. – Вежливо, их адат отдал первенство законам моей страны. Три раза я делал им приглашающий жест. Три раза они прижимали руки к сердцу, отклоняя предложение. Наконец, они сели, и начали помешивать свой чай, смущаясь» [4, р. 229].

* «Сэр Галахад» («SirGalahad») – герой легенд о Короле Артуре, сын Сэра Ланцелота. Вместе с рыцарями круглого стола он отправился на поиски Святого Грааля. Считался «святым рыцарем», и прославился своей галантностью, чистотой и непорочностью.

** В большинстве гусарских полков Российской империи «чакчиры» (штаны прямого кроя), были крапового цвета, отсюда и название «красные штаны».

В основе, как традиционного черкесского, так и любого цивилизованного этикета лежит взаимное уважение, почтительность и поэтому оппозиция «старейшина-офицер» была подобна оппозиции «старейшина-князь», не вызывала каких-либо противоречий и была сбалансирована. Тем более, что все нормы поведения черкеса, кавказца, изначально всегда были связаны с военным бытом. Замечательно, что прапорщик Курнаков в такой щекотливой для него ситуации, повел себя, вполне согласуясь с черкесским этикетом, три раза последовательно, ритуально он предлагал присесть старейшим всадникам, которые только с третьего раза приняли его предложение. Здесь, конечно же, сыграло свою роль хорошее воспитание молодого офицера, а подполковник Крым Султан-Гирей продолжал оставаться верным принципам рыцарского черкесского этикета – «уорк хабзе».

Небезынтересна, в плане рассмотрения характера отношений офицеров с достойнейшими всадниками полка, и переписка о возвращении в полк всадников 2 сотни Джантемира Хапачева и Моса Хадыпаштова. Все началось в начале 1916 г., с письма Чамокова, старшины аульного правления аула Хатажукаевского, с просьбой о сообщении ему официальной причины возвращения в аул добровольцев Черкесского конного полка Джантемира Хапачева, Цука Брантова, Ахмеда Шаова, Бекмурзы Болетова, Магомеда Хачецукова, Моса Хадыпаштова и Забита Хапачева. Последний, побыв некоторое время дома, умер. «Я прошу распоряжения Управления отдела о сообщении мне по какому случаю был уволен со службы Хапачев, – писал в своем прошении старшина Чамоков, – и если по болезни, то в отпуск или совсем от службы и связана сия была Его болезнь с прохождением военной службы, дабы я мог судить следует ли выдавать семейству Хапачева продовольственное пособие» [5, л. 288- 288 об.]. Подобные же подтверждения о службе в Действующей армии, старшина аула запрашивал и по остальным всадникам, вернувшимся в аул. Из управления Майкопского отдела все запросы старшины Хатажукаевского аула были пересланы на фронт, в канцелярию Черкесского конного полка. И как только эти письма приходят к командиру полка, начинается разбирательство по каждому всаднику.

Оказалось, что всадники 2 сотни Джантемир Хапачев и Мос Хадыпаштов, раненые в бою 29 мая 1915 г. у Залещик, были эвакуированы в госпиталь и никаких официальных извещений о них в полк не поступало, и поэтому они продолжали числиться в списках 2 сотни, как находящиеся на излечении в госпитале. «В виду их прекрасных боевых качеств, их всех вообще отличных данных, – писал ротмистр Келеч Султан-Гирей, – крайне желательно возвращение их обратно в сотню в самом непродолжительном времени, если конечно они совершенно оправились от своих ранений» [5, л. 294 об.]. Относительно же остальных всадников, вернувшихся в Хатажукаевский аул, командиром 2 сотни было пояснено, что все они по состоянию их здоровья исключены из списков полка [5, л. 287].

Между тем, ранее, еще в январе 1916 г. командир 2 сотни ротмистр Келеч Султан-Гирей, случайно встретив, во время командировки в г. Проскуров, жителя Хатажукаевского аула полкового подрядчика Битлюстана Мазлова, передал с ним письмо и сто рублей для всадника Джантемира Хапачева. Письмо командира к своему всаднику пронизано почтением и безграничной теплотой и теперь понятно, почему всадники 2 сотни готовы были без страха отдать свои жизни за своего командира. «Дорогой, мой славный, доблестный Герой Джантемир! ..., – писал ротмистр Келеч Султан-Гирей. – Очень тебя прошу мой молодец вернуться при первой же возможности. От многих слышу, что ты и без моей просьбы всячески стараешься вернуться в сотню – ты всегда был у меня молодец и узнаю тебя по этому поступку. Хвалю и благодарю тебя. Поздравляю тебя с двумя Георгиевскими крестами, которые я жажду повесить на грудь, а потому скорей приезжай...Сердечно тебя обнимаю и целую. Твой командир сотни Султан Келеч Гирей» [5, л. 379-380 об.].

Не менее впечатляющим по эмоциональному содержанию и готовности служить отчизне, являлось письмо всадника Джантемира Хапачева к атаману Майкопского отдела: «В боях с коварным врагом я был тяжело ранен в прошлом 1915 году и был отправлен в лечебные заведения Российской империи, где по выздоровлении был отправлен в Ваше распоряжение, где и нахожусь более семи месяцев, что очень стыдно мне переносить против моих товарищей, которые теперь сражаются с врагом, я в настоящее время живу здесь и ни какими судьбами, не могу проехать к своим героям, где и приступить на защиту дорогой родины и в настоящее время, как чувствую себя вполне здоровым осмеливаюсь просить покорнейше... об отправлении меня на службу на казенный счет в полк к своему командиру Султан Клич Гирею» [5, л. 378-378 об.]. В конечном счете в апреле 1916 г. просьба Джантемира Хапачева была удовлетворена командованием, и по ходатайству князя Чавчавадзе, его направляют сразу в Черкесский конный полк, минуя запасную сотню.

Позднее, осенью 1916 г., командир 2 сотни предложил также вызвать в полк, после выздоровления, ранее эвакуированных на родину следующих всадников: старшего урядника Ивана Тураева (ст. Тульская), Салим-Гирея Хакунова (а. Егерухаевский), Схатчерия Соношкова (а. Кошехабльский), Ильяса Нагиева (а. Джаракаевский), Хазарталя Гуагова (а. Джаракаевский), Битлюстана Боджокова (а. Хакуриновский), Татаршау Меретукова (а. Хакуриновский), Тембота Берсиева (а. Хачемзиевский), Батырбия Метова (а. Ходзинский), Пазада Кушхова (а. Ходзинский), Пшикана Эдыгулева (а. Ульский) [5, л. 1271 об.].

Кроме этого, обладая информацией о потенциале и боевых качествах юношей, проживавших в аулах Майкопского отдела Кубанской области, командир 2 сотни предлагал имена самых достойных новых кандидатов на поступление в Черкесский конный полк. Так, он в июле 1916 г. просит князя Чавчавадзе о ходатайстве перед штабом дивизии о зачислении во 2 сотню всадником черкеса Хаджи-Айтеча Хачемизова из аула Хатажукаевского. В своем рапорте ротмистр Келеч Султан-Гирей дает краткую характеристику боевым качествам молодого человека: «Хаджиайтеч Хасанович Хачемизов, 25 лет, известный среди черкесов всего отдела, как лихой наездник и прекрасно владеющий оружием. Но происходит он от бедных родителей и потому ходатайствую о зачислении его на общем основании с выдачей ему жалования 20 руб.» [10, л. 102].

Как мы видим все «нижние чины» в полках Кавказской Туземной конной дивизии именовались «всадниками». Но была и еще одна интересная особенность, специфика «Дикой дивизии», которая всегда бросалась в глаза новичкам-офицерам – отсутствие на таких должностях как денщики («servants»), всадников кавказцев. Полковой адъютант Черкесского конного полка прапорщик Верига-Даревский, объяснял это явление традиционно тем, что всадники дивизии не хотят быть денщиками (слугами), шоферами, или кем-либо еще не принимающими непосредственного участия в военных действиях, потому что они добровольно шли сражаться с врагами, а не, как они говорят, «начищать сапоги». «Единственная черная работа, которую они готовы были выполнять, состояла в уходе за офицерскими лошадьми, как ординарцы, – добавлял прапорщик Верига. – Забавные парни – в окопах они опекают Вас как заботливые няньки ..., да, они заботливы, это правда, но они не хотят, чтобы их классифицировали как слуг. Я, предполагаю, они боятся, что их женщины, по возвращению их обратно в аулы, будут над ними насмехаться» [4, р. 72-73]. При этом прапорщик Масленников, служивший при штабе дивизии, делил всех, кто каким-либо образом соприкасался с «Дикой дивизией», на две категории, и, в частности, по вопросу отношения к денщикам – на романтиков и циников. «Романтичные души, – говорил прапорщик Масленников, – утверждают, что они («всадники» – Р.К.) настолько благородны, что они способны только сражаться. Циники же утверждают, что они слишком глупы, чтобы делать что-нибудь еще» [4, р. 99].

Однако, количество так называемых «скептиков» в отношении батальных способностей всадников-кавказцев, которых, судя по мемуарной литературе, написанной офицерами, воевавшими рядом с «Дикой дивизией», было достаточно много в 1914 и 1915 годах, уже к концу 1916 г. значительно поубавилось. «Романтическое» состояние окутывало любого, кто, так или иначе, соприкасался с полками Кавказской Туземной конной дивизии, и это светлое чувство сопровождало их в течение всей жизни. Романтическому восприятию воинской службы и связанному с ним состоянию беззаветной готовности отдать свои жизни за родину, несомненно, способствовал и патриотический подъем, получаемый офицерами и всадниками на торжественных военных смотрах, под полковыми знаменами. В особенности, после 12 февраля 1916 г., когда генерал-майор князь Гагарин поздравил в своей телефонограмме Черкесский конный полк с Монаршей милостью о пожаловании всем полкам дивизии штандартов и выразил уверенность в том, что Высочайше дарованное знамя Черкесский конный полк покроет неувыдаемой славой [5, л. 155]. Степень переполнявшего всех ликования, видна в содержании текстов телефонограмм, которыми полки дивизии поздравляли друг друга с такой знаменательной вехой в истории полков.

Несомненно, командовать таким уникальным для Русской армии воинским формированием, как Черкесский конный полк было необычайно сложно и почетно. Значительную роль при этом играл авторитет командира-офицера. Важен был личный пример в бою, уважение и почтительность к подчиненным, верность воинскому долгу и своему слову – все то, что всегда ценилось на Кавказе. И то обстоятельство, что в течение первых двух лет офицерский состав в Черкесском конном полку оставался практически неизменным – способствовало его успешной боевой жизни. Офицеры прекрасно знали своих подчиненных, их боевые качества. В каждой сотне из урядников и всадников, находившихся в сражениях с противником в течение этих лет, образовалось спаянное боевое братство – мощная влиятельная сила, помогавшая бороться, в том числе, и с неприятными явлениями взросления. Конечно же, в первые два года проявлялись главные трудности любого воинского коллектива с нарушениями дисциплины, негативными инцидентами с местным населением. Но применение жестких мер наказания к нарушителям дисциплины, изгнание многих из них из полка, позволило командованию Черкесского конного полка преобразить его в полноценную, боеспособную кавалерийскую часть. Как мы видим, прославивший свое имя на полях сражений I Мировой войны, Черкесский конный полк очаровывал своими оригинальными полковыми ритуалами, чествованием «храбрейших из храбрых», заботой о раненых товарищах и о родителях погибших боевых соратников. Дисциплина объединяла всех, братская теплота и уважение пронизывало все отношения, и опиралась на лучшие традиции Русской армии и традиции народов Кавказа.

Литература:

1. Габелия Е.К. Абхазские всадники. Сухуми: АЛАШАРА, 1990. 172 с.; Опрышко О.Л. Кавказская конная дивизия 1914-1917. Возвращение из забвения. Нальчик: Эльбрус, 1999. 461 с.; Опрышко О.Л. Кавказская конная дивизия 1914-1917. Нальчик: Печатный двор, 2012. 512 с.; Вершигора А.Д. Черкесский полк // Единство. Адыгейск, 1994. С. 3; Войтов А.В. К истории формирования Кавказской конной бригады и ее участие в русско-японской войне 1904-1905 гг. // Родная Кубань. 1998. №10; Вершигора А.Д. Черкесский полк в Первую мировую войну // Литературная Адыгея. 1998. №1/2; Вершигора А.Д. Кубанские казаки в полках черкесских // Литературная Кубань. 2006. №21/22; Батчаев Ш.М. Карачаевцы в войнах России (2-я пол. XIX-начало XX вв.). Москва, 2009. 277 с.; Дзыба В.А. Абазины в войнах России (XIX и начало XX веков). Москва, 2014.

2. Исмаил-Заде Д.И. Граф И.И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. Москва, 2005. 510 с.

3. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 3644 «Черкесский конный полк». Оп. 1. Д. 4.

4. Kournakoff S. *Savage Squadrons*. Boston-New York, 1935.
5. РГВИА. Ф. 3644 «Черкесский конный полк». Оп. 1. Д. 31.
6. РГВИА. Ф. 3644 «Черкесский конный полк». Оп. 1. Д. 29.
7. РГВИА. Ф. 3644 «Черкесский конный полк». Оп. 1. Д. 18.
8. РГВИА. Ф. 3644 «Черкесский конный полк». Оп. 1. Д. 33.
9. Попов А. *Философия воинской дисциплины // Душа армии – русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы*. Москва, 1999.
10. РГВИА. Ф. 3644 «Черкесский конный полк». Оп. 1. Д. 36.

References:

1. Gabeliya E.K. *The Abkhazian riders*. Sukhumi: ALASHARA, 1990. 172 p.; Opryshko O. L. *The Caucasus horse division, 1914-1917. Return from oblivion*. Nalchik: Elbrus, 1999. 461p.; Opryshko O. L. *The Caucasus horse division, 1914-1917*. Nalchik: Publishing yard, 2012. 512 p.; Vershigora A.D. *The Cherkessky regiment//Unity*. Adygeysk, 1994. P. 3; Voytov A.V. *To the history of formation of the Caucasian horse crew and its participation in Russian-Japanese war of 1904-1905//Native Kuban*. Krasnodar, 1998. №10; Vershigora A.D. *The Cherkessky regiment in the World War I//Literary Adygea*. 1998. No. 1/2; Vershigora A.D. *The Kuban Cossacks in the Circassian regiments //Literary Kuban*. Krasnodar. 2006. No. 21,22; Batchayev Sh. M. *The Karachays in the wars of Russia (the 2nd half of the XIX – the beginning of the XX centuries)*. Moscow, 2009. 277 p.; Dzyba VA. *The Abazins in the wars of Russia (XIX and the beginning of the XX centuries)*. Moscow, 2014.
2. Ismail-Zade D. I. *Duke I.I. Vorontsov-Dashkov. Caucasian Deputy*. Moscow, 2005. 510 p.
3. *The Russian state military and historical archive*. F.3644 "The Circassian horse regiment". Op.1. 4.
4. Kournakoff S. *Savage Squadrons*. Boston-New York, 1935.
5. RSMHA. F.3644 "The Circassian horse regiment". Op.1. 31.
6. RSMHA. F.3644 "The Circassian horse regiment". Op.1. 29.
7. RSMHA. F.3644 "The Circassian horse regiment". Op.1. 18.
8. RSMHA. F.3644 "The Circassian horse regiment". Op.1. 33.
9. *Priests of A. Philosophy of military discipline//The heart of the army – the Russian military emigration about moral and psychological bases of the Russian armed forces*. Moscow, 1999.
10. RSMHA. F.3644 "The Circassian horse regiment". Op.1. 36.